

Дина Бакулина

Я ПРОРАСТАЮ СКВОЗЬ АСФАЛЬТ

Ты мне нужен, если выстроил себя как крепость, если внутри тебя я чувствую сердцевину. Садись рядом, ты есть.

Сент-Экзюпери

Валентина Ивановна сражается со злом

-Кыш! Кыш отсюда! – размахивая короткими пухлыми ручками и смешно надув и без того полные щёки, кричала маленькая сердитая женщина. Она была директором гимназии, и звали её Валентиной Ивановной.

Когда высокая девочка, чей пышный белый бант закрывал весь обзор, зачем-то нагнулась, Нина наконец смогла увидеть причину суматохи – небольшую чёрную взъерошенную собачонку. Собачонка как вкопанная встала на пороге, между толпой детей и входом в гимназию. Маленькая, но по виду очень злобная тварь умудрилась остановить несколько десятков человек. Собака выглядела как-то очень... нехорошо. Чувствовалась в ней некая запредельная злоба.

Вообще Нина любила собак, – но, конечно, не таких, как эта. Нине нравились адекватные собаки, то есть добрые и умные. Но псы, как и люди, бывают разными, и именно эта, преградившая путь в школу, собака Нине очень не понравилась. Было в этой псине что-то крайне неприятное и непонятное. И в самом деле: что могло заставить взъерошенную собачонку с крысиным хвостиком, не обращая внимания на гул толпы и грохочущий репродуктор, упорно стоять между собравшимися и школой? Не чувствовалось в ней ни страха, ни азарта, ни любопытства, а только тупое, напряжённое, воинственное упрямство.

Никто из присутствовавших не осмелился отогнать собаку. Дети, родители и учителя молча стояли, уставясь на неё во все глаза. Наконец это затянувшееся глухое противостояние нарушила директор гимназии – Валентина Ивановна Иванова (сокращённо – Валивана).

Валивана была натурой в чём-то даже героической, но совершенно непредсказуемой, а временами и вовсе безбашенной. Она одна ринулась отгонять собачонку. Этот второй акт драмы все наблюдали молча. Никто не осмелился прийти на помощь Валентине Ивановне: потенциальные добровольцы опасались, что гнев директора может внезапно обрушиться на них, минуя собачонку. Дело в том, что поведение Валиваны никогда не поддавалось обыкновенной человеческой логике: у неё была своя логика, совершенно непредсказуемая. К тому же, не зря ведь сказано: не просят – не лезь! Вот никто и не лез. Неизвестно ещё кто в гневе страшнее – странная собачонка или всем известная директорша.

Наконец, мелкая чёрная псина нехотя отошла в сторону. Уступила. Но не потому, что испугалась маленькую толстенькую Валентину Ивановну, которая так смешно размахивала руками и сердито раздувала щёки. Просто собаке надоело стоять на одном месте. Собака догадалась, что рвущихся в школу детей ей всё равно не остановить. Ненадолго – можно, а навсегда – нет. Лучше уступить. Люди во дворе подобрались маленькие и беззащитные, но всё-таки их больше, и если они все вместе начнут думать, что-нибудь да придумают. «Отойду, пока не придумали», – решила собака.

В конце концов, у этой толпы была цель – войти в школу, а у чёрной собачонки никакой определённой цели не было. Ей просто захотелось насладиться своей властью. И она насладились. А теперь ей стало не интересно, – вот она и отошла.

А в решительной Валентине Ивановне собака смутно почувствовала какое-то отдалённое душевное родство. Правда директорша была смешна, суетлива и криклива, но зато так же упряма, бесстрашна и взъерошена. «Мы с тобой одной крови», – так, возможно, подумала собака и отошла в сторону. А дети, чинно взявшись за руки, стали парами заходить в школу. Валентина Ивановна мгновенно успокоилась. Она, как и собака, тоже отошла в сторону и с довольной улыбкой наблюдала школьную жизнь, вновь идущую своим чередом. Настроение у Валентины Ивановны обычно менялось мгновенно.

Так обе они наблюдали, как дети шагают в гимназию – Валентина Ивановна и собака, – только одна с одного края школьного двора, а другая с другого. На какое-то мгновение Нине показалось, что Валентина Ивановна и собака ничем друг от друга не отличаются, – но Нина тотчас отогнала эту нелепую мысль. Всё-таки собака – это собака, а Валентина Ивановна – человек и звучит гордо. Хотя сказал же однажды профессор Иван Сикорский, что животные – это эскизы человека. Не зря, наверное, сказал...

Задавившиеся у крыльца первоклассники – мальчики в белых рубашках и девочки с воздушными бантами, – перепрыгивая по три ступеньки за раз, на ходу оживлённо лопоча, влетали в школу.

Дети влетали в школу точно голуби. А настоящие сизые голуби подлетали к ногам детей и тут же разлетались с веселым шумом. В отличие от чёрной собачонки, птицы собирались у ног школьников не для того чтобы преградить им путь: нет,

они хотели поприветствовать детей и порадоваться вместе с ними. Голуби – это ведь тоже эскизы человека....

Валентину Ивановну не очень-то любили в школе. Так относились к ней все, за исключением нескольких верных слуг-прихлебателей. Эти, возможно, любили её, – ну если и не любили, то умело притворялись что любят. А остальные – определённо нет. Потому что Валивана была самодуром, причём самой высшей пробы – десять баллов по десятибалльной шкале. Самозабвенный, энергичный самодур! Однако, гимназия всё-таки работала, и невероятный характер Валентины Ивановны не мог этому помешать. Всё-таки школа держалась не на ней, а на учителях – и на детях. Нет, Валентина Ивановна тоже по-своему держала школу: она защищала её перед самым высоким начальством, выбивала для неё всё, что только можно – деньги, льготы, ремонты... Этого дети и учителя делать не умели, они могли только учить и учиться, – ну или не учиться, это уж кто как.

Нину, то есть Нину Андреевну Ягодкину Валентина Ивановна невзлюбила сразу и навсегда. При каждой случайной встрече Валивана умудрялась сказать ей какую-нибудь гадость. Делать это директорше никогда не надоедало, даже наоборот – развлекало и отвлекало от всяких важных дел. А Нина ничего – терпела. Стерпела она и в тот раз, когда Валентина Ивановна придумала для неё какую-то странную национальность, кажется «кумычка», – но точно сейчас невозможно вспомнить, потому что бред к счастью забывается быстро, на то он и бред.

Терпела Нина и тогда, когда Валентина Ивановна приписывала ей черствость и равнодушие к детям. А ведь это была такая же чушь, как фантастическая, придуманная специально для Нины национальность. Детей Нина Андреевна Ягодкина любила, и дети любили её, – а некоторые даже обожали. Детей не обманешь. Они отлично чувствуют отношение к себе, и отвечают, как правило, тем же. Потому что дети – это те же голуби, шумные и добрые. Хотя, конечно, – дети, как и голуби, бывают разными...

Нина очень долго привыкала к школе. Два года. В первый год работы она непрестанно болела, и ходила пошатываясь, неуверенно переставляя ноги – совсем, как зомби в американском фильме. То горло у неё болело, то голова, то всё вместе. Два года Нинино тело упорно сопротивлялось школьной работе, – да и душа тоже сопротивлялась. Даже так: сначала душа сопротивлялась, а уж вслед за ней и тело. Но через два года Нина привыкла к своей работе и неожиданно для себя увидела всё в новом свете – и школу, и детей. Даже смертельно надоевший Нине немецкий язык, который ей приходилось преподавать, она снова перестала ненавидеть. Было время, когда Нина любила немецкий больше всего на свете. В молодости она так и бредила немецким языком: ей хотелось как можно больше слушать его, читать и говорить на нём. В те годы немецкий язык, вернее его изучение, был Нининой целью. А потом, после года учительства, она его возненавидела.

Зато русский язык, который прежде казался Нине простой данностью, вдруг оказался ей нужен как воздух: Нина начала писать сказки для детей. Школьники, то есть чужие дети, тоже долгое время казались Нине неинтересными и не важными, – но, когда она начала писать детские сказки, эти чужие дети оказались важными и интересными. Вот ведь как бывает!

Классное руководство

Как только Нина Ягодкина пришла в школу, Валентина Ивановна сразу же всучила ей классное руководство. Так уж в этой школе про классное руководство говорили: именно «всучить», а не «вручить» или «поручить». Дело-то в том, что денег за классное руководство почти никаких не платили, а мороки предполагалось много. Но учителя без классного руководства в этой школе и учителями-то не считались: ну какой в них толк, в простых предметниках?

Причём, Нине предлагался выбор: можно было взять один из двух пятых классов – 5-а или 5-б. 5-а – хороший, сильный класс, дети там умные, почти все, как на подбор, отличники, один другого умнее. А 5-б наоборот – слабый: там дети по успеваемости средненькие, так себе дети. Выбирайте, Нина Андреевна, кто вам больше нравится!.. Однако, тут же выяснилось, что выбирать придётся вовсе не Нине, а самой Валиване. И Валентина Ивановна выбрала для Нины Ягодкиной 5-б – средненьких детишек, так себе школьников.

К счастью, средненькие дети на проверку оказались очень даже ничего – хорошими детьми. Правда, звезда с неба они и в самом деле не хватали, но это просто потому, что не привыкли как следует учиться. Зато и головы, и сердца у детей из слабого класса были вполне на своём месте.

Однако этот, теперь уже Нинин, 5-б настолько привык, что его всегда невыгодно сравнивали с успешным 5-а, что давным-давно не пытался что-то кому-то доказать. Покорно сложив лапки, любую победу в любом соревновании 5-б заранее уступал выдающемуся 5-а. В школе оба класса так и называли – «Сильными» и «Слабыми», чтобы сразу всё становилось понятно. Все признавали, что этим классам можно и не соревноваться: легче сразу же объявлять победу Сильного 5-а. И с обеих сторон не будет ни сопротивления, ни удивления: всё правильно – Сильные побеждают, Слабые поигрывают. Иначе и быть не может!..

Нина Ягодкина отчего-то сразу этих затюканных, незвёздных детей полюбила, несмотря на прилепившееся к ним клеймо. Полюбила, возможно, за их незаносчивость и простоту. И дети тоже полюбили Нину Андреевну, – главным образом за то, что она их приняла, а ещё за то, что придумала для класса несколько новых, не обидных названий. Прежняя кличка «Слабые» детям давным-давно надоела, а Нина стала называть их «Своим Классом», и ещё – «Творческими Личностями» и «Светлячками». Быть может, последнее слово и не совсем понятно, но, если подумать, – светлячок, он ведь светит! Значит, название получилось хорошее.

Сергей Рассольников

5-б класс – небольшой, всего восемнадцать человек, и дети в основном симпатичные. Из общей массы выделяются: категоричная Таня Курцева – худая, длинная, в круглых очках; Надя Петрова – полненькая, невысокая, очень мягкая по характеру; Артем Лацис – блондин, красавец, умница, ещё и на гитаре играет; и Семён Собакин – маленький шуплый, на лице застыло выражение вечной обиды на кого-то. Это персонажи если так можно выразиться, положительные. Из явно отрицательных – один, пожалуй, Сергей Рассольников.

Нина, когда в первый раз его увидела, сразу подумала – хулиган. Неухоженный очень, крупный, крупнее всех в классе, а выражение лица настолько бесстрашное, что иногда кажется дерзким. Голос у Рассольникова громкий, хриплый. И сам, – мало того, что огромный, – ещё и нескладный какой-то. Лицо у Сергея круглое, как футбольный мяч, а нос картошкой. Правда если приглядеться, глаза у Рассольни-

кова синие-пресиние, а ресницы длинные, густые, хлопают как крылья бабочки. Но разве вспомнишь о бабочках, когда посередине лица торчит нос картошкой, а под носом – мясистые, похожие на сардельки, губы...

Сергей Рассольников – самый настоящий хулиган, головная боль всей гимназии. У неё, правда, и без Сергея предостаточно головной боли, но с Сергеем её больше. К тому же Рассольников – мальчик грубый и неопрятный. От него постоянно несёт потом, – наверное, Сергей моется раз в месяц. А от одежды Рассольникова всегда пахнет сигаретами. И это пятый класс! Любимых слов у Рассольникова три – «жесть», «замётано» и «прорвёмся». Но надо признаться, что словарный запас Сергея всё равно гораздо богаче, чем у Элочки Людоедочки. Вообще, если приглядишься, то поймёшь, что Рассольников, как будто совсем не глуп... Да что толкуто! – всё равно ведь он двоечник и хулиган.

Кинг-Конг и Рыжая мышь

Ни один, конечно, в этой школе имелся хулиган, хватало «кадров» и без Рассольникова. Практически в каждом классе был свой «герой», – их имена время от времени звучали на педсоветах. Но самый противным из всех «чужих» хулиганов казался Нине Вася Шишин. Он учится на класс младше, чем её подопечные дети.

Этот Вася Шишин казался очень странным: что-то с его психикой было явно не в порядке, – по натуре же он больше всего подходил под определение «мелкий пакостник». Шишин почему-то постоянно попадался Нине на глаза, – куда ни повернись, всюду он маячит. Может, это от того, что волосы у него были ярко-рыжими?.. Вообще внешность у Шишина была, конечно, своеобразная: рыжий, маленький, ручки-ножки длинные, глазки хитрые, ресницы бесцветные, носик остренький.

Внешне Шишин был Нине крайне несимпатичен. А уж его поступки тем более не вызвали симпатии: Шишин постоянно воровал мелочь из карманов школьников и всячески мелко пакостил: то прорежет соседу дырку в кармане, то в ботинок кому-нибудь высморкается, – а потом из-за угла наблюдает за реакцией потерпевшего и радуется.

Поймать Шишина за руку почти никогда не удавалось: слишком хитёр был и вёрток. И главное, пакостил он без определённой цели, просто следуя принципу: «Нету большей радости, чем делать людям гадости». Видно, и в самом деле рыжего Шишина чрезвычайно радовали все его гнусности. Но странно другое: иногда Нина встречала их вместе – «своего» Сергея Рассольникова и «чужого» Шишина. Это было непонятно: уж очень мало походили друг на друга Рассольников и Шишин, – и не только внешне. Хотя и внешне тоже: Рассольников по сравнению с Шишиным казался великаном из сказки, громилой, Кинг-Конгом... А Шишин вертелся рядом с ним точно мелкая мышь, рыжая и хитрая.

Рассольников и Шишин в сознании Нины как-то не совмещались: вроде оба хулиганы, но Шишин обычно хулиганит мелко исподтишка и непонятно зачем, а Рассольников всегда открыто и с некой, каждому ясной, целью. Например, класс закрыт, а Рассольников там что-то забыл. Ну, он, недолго думая, – хрясь! – и дверь выбил. Сил-то девать некуда. Или – разозлился на кого-нибудь, и опять же, недолго думая, – хрясь! – и фингал под глазом поставил. Девочка какая-нибудь понравилась Рассольникову, – он улучил удобный момент и косичку ей ножницами отрезал. Держит в руке отрезанную косичку и хохочет, как идиот: «Гы!.. Гы!..» Никто

уже и не удивляется: это же Рассольников!.. Девочка плачет навзрыд, а он её ещё и успокаивает: «Ничего, отрастет скоро... Гы-гы!..» Одним словом, тяжёлый случай.

Жизнь, как водится, шла своим чередом. Гимназия, как и весь остальной мир, попеременно то хандрила, то смеялась, то плакала. Так в суете и заботах пролетели два года. Нинин пятый класс незаметно для всех превратился в седьмой, и дети её достигли, как говорят, самого трудного возраста: любовь и всё такое. Сергей Рассольников, за которым уже давно закрепилось стойкое прозвище «Рассольник», и без того-то был по сравнению с остальными весьма крупным, а теперь он ещё вырос, фигура его стала ещё более нескладной. При ходьбе он обычно сутулился и шёл, немного опустив голову и размахивая длинными руками.

Издали Рассольников по-прежнему напоминал Кинг-Конга – большую добрую обезьяну из старого фильма: такой же крупный, нелепый и размашистый. Вот только был Рассольников добрым или нет – трудно сказать. Ясно одно – Сергей был и остался двоечником, прогульщиком и хулиганом, головной болью класса и школы. За этого самого Рассольникова Нине Ягодкиной, как классному руководителю, доставалось больше всего, – от Валентины Ивановны конечно. Как будто это она, Нина, виновата в том, что Рассольников не моется, вечно ходит в драных штанах, не делает уроки, прогуливает и дерётся.

«Это вам не дрова!..»

У Сергея Рассольникова неблагополучная семья. Отца у него нет, мать всё время где-то пропадает, а старший брат за что-то сидит в тюрьме. Так что похожий на Кинг-Конга семиклассник Рассольников живёт один. В школе его как неблагополучного кормят завтраками и обедами, чем Сергей ужинает – никому не известно. Правда, мать время от времени появляется в школе, – конечно, не так часто, как её туда вызывают, – тогда становится понятно, что мать у Рассольникова всё-таки есть, и что, несмотря на богатую и разнообразную личную жизнь, у неё имеется работа (она продаёт на рынке помидоры) и она не алкоголик. Однако ясно и то, что забот у неё вполне хватает и без Сергея, а потому заниматься его воспитанием так, как этого хотелось бы гимназии, она не в состоянии. Желания заниматься сыном у неё тоже нет. Без конца лупить Рассольникова ремнём за все его художества она тоже не может: во-первых, руки устанут, во-вторых, некогда. Так пусть же Сергей сам воспитывает себя, как умеет! А вообще-то мать сделала однажды доброе дело, отдала его в школу, – вот пусть и учится.

– ...Ваш Рассольников снова прогулял два урока! – поймав Нину в коридоре и схватив её за рукав, кричала покрасневшая от возмущения Валентина Ивановна. – Учительница пения жалуется, что вчера Рассольников сорвал урок пения у четвертого класса. Дети пели «Солнечный круг», а Рассольников подошёл к двери и во весь голос запел «Розовый фламинго в часы заката»... Почему?! Почему?!

– Вот как?.. Запел?.. – растеряно переспросила Нина.

– Почему он у вас во время уроков по школе болтается?!

– Не знаю, у меня же в это время был урок с другим классом... – начала оправдываться Нина.

– Это не имеет значения! – перебила её Валентина Ивановна. – Рассольников – ваш ученик! Ваш! Вы у него когда последний раз дома были!?

– Я?.. да, в общем...

Нина растерянно замолчала и закончила фразу мысленно: «Никогда!» Но вслух сказала:

– Давно.

– Оно и видно! – обрадовалась Валентина Ивановна и назидательно подняла палец. – Неблагополучных учеников классный руководитель должен посещать регулярно! Это же вам не дрова, всё-таки, а дети!

«Это вам не дрова, а дети!» – любимая фраза директрисы.

– Хорошо, Валентина Ивановна, – пообещала Нина, – в ближайшее время я схожу к Рассольникову домой...

– Эй! Эй! Куда побежали? – тут же забыв про Нину, завопила Валентина Ивановна. Двое первоклассников, взявшись за руки, куда-то стремительно неслись по коридору. Не порядок! Подхватив руками длинную юбку, маленькая толстая Валентина Ивановна энергично ринулась за ними.

– Уф! – провожая директора глазами, вздохнула Нина и твёрдо решила завтра навестить Рассольникова.

«Вы почему не в школе?»

Завтра была суббота. У Нины по расписанию уроков не было. А у Сергея Рассольникова были, но в школу он не пришёл, – это Нине сообщили по телефону. «Нет вашего Рассольникова! Разберитесь...» Вздохнув, Нина отправилась разбираться.

Звонить у дверей пришлось долго, – так долго, что Нина уже хотела повернуться и уйти, но тут дверь распахнулась и на пороге появился весь в белых перьях, сонный и взъерошенный Кинг-Конг из 7-б.

– А, это вы... – не очень удивившись и вовсе не расстроившись, сказал Рассольников. Он задумчиво почесал сначала спину, потом затылок и наконец смилостивился: – Проходите!

Нина вошла.

– Вы чего это, Нина Андреевна, не в школе сегодня? – поинтересовался Сергей.

– А ты чего? – в тон ему спросила Нина. – Ты-то сам почему не в школе?

– Я-то? – удивился Рассольников.

Он крепко задумался, отыскивая ответ на столь каверзный вопрос, потом нашёл ответ и обрадовался:

– А я... это... Проспал!

Нина укоризненно посмотрела на Сергея.

– Да вы садитесь на стул, Нина Андреевна, – заботливо предложил Рассольников. Он пододвинул Нине стул, а сам уселся напротив неё на диван.

Нина села, осмотрелась. Смятая постель, вернее не постель, а просто одеяло без пододеяльника и подушка без наволочки. Рассольников так и спал в одежде. Всё вокруг было усыпано рыжими и белыми шерстинками.

– У тебя что – кот есть? – догадалась Нина.

– Есть, – кивнул Рассольников. – Барсик.

– И где же он?

– Ушёл гулять, – пожал плечами Рассольников. – Да вон туда, в форточку.

Сергей кивком головы указал, куда именно вышел его рыжий кот.

– А... – протянула Нина. – Хорошо...

– Что хорошо? – не понял Рассольников.

– Ну... хорошо, что у тебя есть кот!

«Действительно, почему «хорошо»? Что же тут хорошего?» – подумала она с досадой. Потом она ещё подумала и решила, что кот – это во всяком случае не плохо, а может быть даже и в самом деле хорошо.

– Хорошо... – повторил Рассольников. – Только он глупый очень.

– Кот? – уточнила Нина

– Угу, – кивнул Рассольников. – Я его учил-учил форточку открывать, а он не хочет... А вас сюда Валентина Ивановна пригнала, да?

В голосе Сергея чувствовалось явное сочувствие.

– Да, – вздохнув, сказала Нина. – Она...

– Да вы не расстраивайтесь, Нина Андреевна! – снова посочувствовал ей Рассольников.

– А твои роди... мама твоя где? – спросила Нина.

– Не знаю. – пожал плечами Рассольников. – Работает, наверно...

– У тебя что будильника нет? Всё время ведь просыпаешь!..

– Не-а, нет, – признался Сергей. – Сломался мой будильник. Честное слово! Я его уронил нечаянно, он и сломался.

– У меня дома лишний есть, я в понедельник принесу. Только что же получается? Значит, ты и в понедельник на первый урок тоже проспишь, – так что ли?

– Не-а, не проспую... Я, может, вообще спать ложиться не буду...

– А что же ты будешь делать?

– Ну... – Рассольников с сомнением посмотрел на Нину Андреевну, а потом, махнув рукой, признался: – Я крепость строю... из бутылочных пробок... Хотите посмотреть?

– Хочу.

Рассольников прошёл в угол комнаты и сдернул чёрную тряпку, брошенную что-то большое, четырехугольное.

– Вот! – с гордостью сказал он.

Нина подошла поближе, пригляделась. Конструкция, отдалённо напоминавшая замок или крепость, состояла из пивных пробок, – в основном из пробок от пива «Балтика».

– Да... – сказала Нина.

– Нравится? – сияя, спросил Рассольников.

– Ещё как, – задумчиво ответила Нина. – А на что же ты пробки крепишь?

– На пластилин.

Помолчали.

– Так может вам чаю поставить, а? – гостеприимно предложил Сергей.

– Да нет спасибо, мне уже идти нужно....

– Вот как... – Рассольников почесал затылок.

– Я попрошу Таню Курцеву, чтоб она тебе в понедельник утром позвонила, разбудила тебя...

– Ну, можно, – разрешил Рассольников.

Сергей проводил Нину Андреевну до двери. Когда она уже вышла на лестничную площадку, он смущенно попросил:

– Вы... это... если найдете где-нибудь пробки от пива, мне отдайте, ладно? А то мне не хватает на крепость. А вам ведь они всё равно не нужны... Отдадите?

– Если найду, отдам конечно, – пообещала Нина и начала спускаться по лестнице.

– Подождите, Нина Андреевна!

– Да?... – Нина снова остановилась.

– Вы мою мамку родительских прав не лишайте, если что? Ладно?

Нина не нашла, что ответить, и только удивлённо смотрела на Рассольникова.

– Если её прав лишат, она ведь запьёт, Нина Андреевна! Я точно знаю, что запьёт. Я один на неё только и влияю. А если запьёт мамка, кто тогда к брату в тюрьму ездить будет? Ведь некому. А она работает всё-таки. На рынке. А что гуляет... Так ведь молодая же ещё... Пусть, ничего. – Сергей немного покраснел. – Вы не думайте, она домой никого не водит... Этого нет. Вы, Нина Андреевна, если что, меня лучше... на поруки возьмите... Ладно?

Нина машинально кивнула головой, но слова Сергея были так неожиданны для неё, что не сразу уложились в её душе.

«Разве это ребёнок? Семиклассник?! – невесело думала Нина, проходя дворами к себе домой. – Это же мужичок маленький, а то и вообще старичок. И сколько всего он уже в жизни своей недолгой повидал...»

«Что это было?!»

В воскресенье Нина со своей подругой Леной Потаповой решили сходить в магазин модной одежды. Магазин недавно открылся, хотелось посмотреть, что там, да как. Решили пройти дворами, срезать путь. По дороге разговаривали о разном, неважном. Навстречу, громыхая железной тележкой, молча шли трое бомжей... Вдруг Нину кто-то окликнул:

– Здравствуйте!

Нина подняла глаза и увидела Рассольникова. Оказывается, это он катил разбитую тележку, – а рядом с ним угрюмо шагали двое взрослых бездомных...

– Здравствуй, Серёжа, – с усилием, словно поперхнувшись воздухом, произнесла Нина.

Разглядев Нину с приятельницей, бомжи охотно приостановились. На заросшем лице одного из них начала блуждать слабая безвольная улыбка...

– Пошли, пошли! – схватив разулыбавшегося бомжа за руку, властно сказал Рассольников. Бомж пригорюнился и вопросительно посмотрел на Сергея.

Серёжка крепко схватил его за руку и потащил за собой... Так он и шёл: в одной руке – тележка, в другой – бомж. Второй бездомный покорно поплёлся за ними...

Нина с подругой, онемев, смотрели им вслед...

– Что это было?! – изумленно спросила Лена.

Нина не нашла, что ответить.

– Почему это с тобой бомжи здороваются?! – не унималась Потапова.

Нина пожала плечами:

– Просто люди такие... вежливые, – неуверенно объяснила она. Идти в магазин ей уже расхотелось.

– Голова заболела, – сказала Нина подруге. – Сильно.

Пропали кроссовки

А в понедельник из раздевалки шестого класса пропали кроссовки. В школу оперативно прибежала мать пострадавшего Половинкина и задала всем перца.

– Я их, можно сказать, через три границы везла! – говорила она, для пущей убедительности складывая пальцы в бутончик. – Из самой Европы!

– Секонд хенд, что ли? – наивно уточнил классный руководитель 6-а, учитель труда Семён Семёнович.

– Издеваетесь? – в свою очередь поинтересовалась мать Половинкина.

– Да что вы! – обиделся Семён Семёнович. – Говорю же вам: ищем мы, ищем ваши кроссовки. И объявление на первом этаже повесили – и вообще...

Мать пострадавшего шестиклассника Половинкина была по понятиям Семёна Семёновича красивой женщиной: губы ярко-алые, брови ярко-чёрные, всё остальное ярко-рыжее... Ему было очень приятно смотреть на это цветастое создание... Половинкина, видимо, это почувствовала, потому что вдруг миролюбиво махнула рукой:

– Ладно... Ищите... А я пойду пока.

– Поищем! – вздохнув, заверил её Семён Семёнович. – Что ж...

И ещё раз вздохнул.

Выяснилось, что перед уроком физкультуры у шестого класса, где учился Половинкин, зал занимал Нинин 7-б, – и последним в раздевалке оставался замешкавшийся Рассольников. Это видели сразу несколько учеников. Вывод был ясен: именно Сергей и взял кроссовки. А кто же ещё?

То есть кроссовки пропали после урока седьмого класса, прямо перед уроком шестого. И пострадавший Половинкин не смог заниматься физкультурой, поскольку кроссовки из мешка пропали. Он радостно просидел весь урок в раздевалке, играя в какую-то глупую компьютерную игру. Кроссовок Половинкину было не жалко: в их окраске преобладал розовый цвет. Девчоночьи!..

Несовпадение вкусов

На перемене Семён Семёнович подошёл к Нине Ягодкиной.

– Гм... Нина... тут такое дело... У моего Половинкина пропали кроссовки... Ну, так вот... гм... Всё указывает на то, что их ваш Рассольников похитил...

– Я слышала, что кроссовки пропали. Слышала, что Рассольников последним выходил из раздевалки. Да только не верю я, Семён Семёнович, что Сергей мог что-то украсть.

– Почему не мог? – удивился трудовик.

– Ну, хотя бы потому, что не водилось никогда за Серёжей воровства...

– Гм... так ведь Рассольников – тот ещё хулиган!

– Что хулиган – это я не спорю, да не вор же! А вот за Шишиным вашим, Семён Семёнович, как раз случаи воровства наблюдались.

– И что вы этим хотите сказать? – напрягся трудовик.

– Ничего особенного. Просто, если уж вы взялись подозревать моего Рассольникова, то не логичнее ли заподозрить вашего Шишина? Ну, если непременно нужно кого-нибудь подозревать...

Семён Семёнович без приязни посмотрел на Нину Андреевну. Она ему не нравилась, – сегодня особенно. Ему нравились только знойно-рыжие с яркими губами или, в крайнем случае, пышные блондинки, наподобие Мерлин Монро. А эта на Мерлин Монро не похожа, – да ещё и хулигана Рассольникова защищает почему-то.

Нина знала, что не нравится Семёну Семёновичу, но это её не расстраивало, потому что он ей тоже не нравился. Нине казалось, что Семён Семёнович не очень сообразительный, а ей нравились именно сообразительные. Например, такие, как учитель математики или историк. Но больше всего Нине нравился собственный муж, – и это несмотря на то, что он даже и не был учителем.

Разбирательство

Над Рассольниковым устроили разбирательство. Закрытое. Хотя на самом деле двери в класс, где все это проходило, никто не закрывал, – просто народу пришло не очень много. Директор Валентина Ивановна, конечно, присутствовала: она же и тут оставалась главной. Пришла Нина Ягодкина, как классный руководитель; главным обвинителем выступал Семён Семёнович; ему помогали некоторые учителя, которым приходилось сталкиваться с выходками Рассольникова. Было ещё человек семь... Ну, и разумеется, сам Рассольников.

Начала разбирательство Валентина Ивановна.

– До каких пор?.. – возгласила она, потрясая рукой в воздухе. – До каких пор ты, Сергей, собираешься баламутить школу? А? Не слышу ответа! Нет, ты скажи: до каких?

Воцарилось молчание. Всем было интересно узнать: до каких именно пор Рассольников собрался баламутить гимназию. Но, видимо, обвиняемому вопрос показался слишком трудным, и он молчал. Сопел, чесал голову, но молчал.

– Так, – сказала Валентина Ивановна. – Понятно.

Что именно ей было понятно, осталось неизвестным.

– Зачем ты отобрал портфель у третьеклассника? Помнишь такое? На прошлой неделе? Зачем тебе понадобился чужой портфель? И больше того: отобрав портфель, ты выгнал мальчика из школы, заставил его вернуться домой! Зачем? Тебе хотелось, чтобы он вырос таким же бездарем, как ты, – так, что ли? Чтобы на пару с тобой уроки прогуливал?

– Нет, почему, – возразил Рассольников. – Не хотел я ничего такого. Просто... зачем он животное мучил?!

– Какое ещё животное? – поморщилась Валентина Ивановна. – Откуда животное?

– У него в портфеле хомяк был, – он задохнуться мог...

– Кто? Кто мог задохнуться? – насушила брови Валентина Ивановна.

– «Кто-кто»!.. Непонятно что ли? Хомяк, конечно, – раздраженно ответил Рассольников.

– Нет, вы на него только посмотрите! Он же ещё и хамит! – возмутилась Валентина Ивановна. – А вот интересно, Рассольников, почему это от тебя всегда сигаретами пахнет, а? Ты может быть куришь?

Валивана подозрительно прищурилась, подошла к Сергею вплотную... Принюхалась, и разочарованная отошла: сигаретами от Рассольникова на этот раз не пахло.

– Валентина Ивановна, – робко приподнялся со своего места Семён Семёнович. – А про кроссовки-то как же?..

– Да! – закричала директриса. – Ещё и кроссовки! Та-ак!.. Зачем они тебе понадобились? Ну, отвечай!

Рассольников возмущённо тряхнул головой:

– Да не понадобились мне ваши кроссовки!

– Та-ак! – вспыхнула Валентина Ивановна. – Та-а-а-ак!

Чувствовалось, что гнев её нарастал и что на подходе чудовищной силы взрыв... Но тут в дверь громко и твёрдо постучали.

В класс вошла Таня Курцева.

– Чего тебе девочка? – недовольно спросила Валентина Ивановна. – Не видишь, мы заняты!

Нина Ягодкина с волнением смотрела на свою ученицу, понимая, что Таня не пришла бы просто так. Нина ободряюще кивнула головой.

– Нина Андреевна, – обращаясь к ней одной, сказала Курцева. – Это не Рассольников... не Рассольников кроссовки взял. Это... я видела... как Шишин их по воде пускал...

– Что пускал? По какой воде? – напряглась Валентина Ивановна.

– Ну, кроссовки с розовыми полосками... По воде... по этой, которая у нас течёт... там...

И Курцева махнула рукой туда, где, по её мнению, должна была протекать Фонтанка...

– И что же ты, не подошла к этому Шишину? Не сказала ему ничего? – подозрительно прищурилась Валентина Ивановна.

– Нет, не подошла, – вздохнула Таня, – потому... потому...

Она замешкалась и, опустив голову, тихо сказала:

– Потому что он – дурак...

– Правильно, Курцева! – радостно гаркнул со своей первой парты Рассольников. – Я Рыжему сам морду набью!

– Вот видите, вот видите! – Валентина Ивановна сначала сверкнула глазами на Сергея, а потом торжествующе глянула на Нину: – Ваш Рассольников неисправим!

Так или иначе, а разбирательство было закончено, и все принялись расходиться.

«Я его воспитываю!»

Но уже на следующей неделе Сергея Рассольникова снова пришлось вызвать на разбирательство, потому что Сергей всё-таки избил Васю Шишина, – как и обещал.

Состав учителей был примерно тем же, – правда зачем-то добавились ещё две учительницы младших классов. Ну и конечно во главе мероприятия – Валентина Ивановна, вся в белом. У неё действительно имелся такой белоснежный воздушный костюм, который, правда, ещё больше полнил её и совершенно к ней не шёл.

Мать Шишина на собрание не позвали: по опыту знали, какие истерики она может устраивать – всех заглушит, всех перекричит. Мать Шишина растила Васю одна и считала, что её лучший в мире ребёнок всегда оказывается несправедливо обиженным, – поэтому она при всяком случае бурно защищала своего Васю и устраивала нешуточные истерики. А ведь разбирательство устраивалось не для того, чтобы слушать её вопли: учителям хотелось докопаться до истины и вывести виновных на чистую воду.

– Рассольников! Стой прямо, когда с тобой говорят! Ты почему Шишина избил? А? Я тебя спрашиваю!

– Потому что его больше воспитывать некому, – потупив глаза, сказал Рассольников.

– Та-ак... – сказала директриса зловещим тоном. – Та-ак... Значит, ты к нему уже в воспитатели записался?

– Валентина Ивановна!.. – неожиданно привстав со своего места, робко сказала молоденькая учительница второго класса. – Этот Рыжий... простите, – Шишин, – моего ученика Синичкина обижал. Просто проходу ему не давал, а вот этот мальчик, – она указала рукой на Рассольникова, – он за Синичкина вступился. Простите...

Молоденькая учительница чуть заметно поклонилась директрисе и села.

– А вы, вообще-то, как здесь оказались?! – словно впервые заметив её, спросила Валентина Ивановна.

– Я... меня... Меня Нина Андреевна попросила прийти, – кивком головы указав на Нину, сказала молоденькая учительница. – Она эту историю тоже знает. Вот.

– Та-ак... – задумалась Валентина Ивановна. – Да вы не садитесь, не садитесь раньше времени! Что за ученик, и как именно его Шишин обижал? И когда?...

– А всегда! – встав и поправив платье, сказала учительница. Теперь она говорила гораздо увереннее. – Как только этот рыжий шестиклассник... простите, Шишин, встречал моего Синичкина так сразу и обижал. Называл его толстым тупым очкариком... Подножки ему всё время ставил, так что Синичкин падал, и даже один раз

очки разбились... Потом ещё отбирал портфель у него... А форму, пиджак то есть, в раздевалке своими грязными ботинками топтал... вот...

– Зачем? – сдвинув брови, поинтересовалась Валентина Ивановна. – Зачем он это делал?

Директриса смотрела на молоденькую учительницу и ждала ответа.

– Не знаю, – призналась та.

– Та-ак... А ты, Рассольников, решил, значит, Шишина наказать, – я правильно поняла?

– Правильно, – без обиняков признался Сергей.

– Но это, знаешь ли, не метод! Никто не давал тебе права вмешиваться... Да ещё таким варварским способом...

Теперь Валентина Ивановна говорила значительно мягче. Потом, снова набрав обороты и подняв вверх толстый, унизанный кольцами палец, она изрекла:

– Рассольников, запомни одну... всего одну... очень простую вещь! Никогда, слышишь, никогда больше не прикасайся своими немытыми руками к Рыжему! Тыфу!.. То есть, к Шишину не прикасайся больше! Понятно тебе?

– Понятно, – быстро ответил Рассольников.

– Ну и ладно, – снова сбавляя обороты, произнесла Валентина Ивановна. – А к Шишину мы теперь сами прикоснёмся...

Эта загадочная фраза означала только то, что в ближайшее время разбирать на собрании будут рыжего Васю Шишина.

Потом, отозвав Нину в сторону, Валивана спросила, подозрительно шурясь:

– Так вы дома у Рассольникова побывали?

– Побывала, – ответила Нина.

– Ну вот и правильно! – обрадовалась Валентина Ивановна. – Вы ходите к нему, почаще ходите. Не зря же мы вам за классное руководство деньги платим... К тому же, сами видите, какой он у вас безбашенный. Тут так: чем больше контроля, тем лучше. Таких неблагополучных детей, как Рассольников никак нельзя, знаете ли, на самотёк пускать...

– Конечно, нельзя, – согласилась Нина.

Флокс и пень

В субботу Рассольников снова прогулял два урока. Нина оделась, взяла с собой старый будильник и отправилась к нему. По дороге она зашла в магазин и купила творожную ватрушку. «Точно передачу несущему родственнику в больницу», – подумала Нина.

Сергей разумеется спал, поэтому звонить пришлось долго.

– Проходите, – сонно, но гостеприимно сказал Рассольников. – Я что, опять проспал?

– Опять. Вот тебе будильник, Серёжа, больше не просыпай, – Нина протянула ему свой подарок.

– Спасибо, – без энтузиазма отозвался Рассольников. – Зачем вы свои деньги-то тратите?

– Ничего не трачу, – ответила Нина. – Зачем мне два будильника? А вот ватрушка. У тебя кухня-то есть?

– Есть, – кивнул Рассольников, хмурясь. – А ватрушка зачем?

– Я чай не успела попить, – можно у тебя?

– Конечно, – с облегчением сказал Сергей. – Я сейчас поставлю.

И пошёл на кухню ставить чай.

– А кот где? – спросила Нина.

– Гуляет...

«Как всегда» – подумала Нина.

– Ты его хоть кормишь?

– Ещё бы! – обиделся Рассольников.

Он умылся ради гостя. Потом сварил четыре яйца, достал хлеб, колбасный сыр и наставительно сказал:

– Ешьте яйца! Белок!

– Спасибо, но я не хочу, – отказалась Нина. – Может, ты за меня съешь?

На самом деле перед выходом из дома она позавтракала.

– Съем, – охотно согласился Рассольников и быстро умял все четыре яйца, а потом и половину ватрушки.

– Да ты ешь всю, – предложила Нина.

– А вы?

– А я такие не люблю... Я думала, она с изюмом, а она без...

Рассольников, не споря, быстро умял остаток большущей ватрушки.

– Вы пробки от пива случайно не принесли? Ну, может, попалось вам хоть сколько-нибудь?.. – дождевав ватрушку, с надеждой спросил Рассольников.

– Для твоей крепости?

– Ага, – кивнул Сергей.

– Забыла, – призналась она

- Сергей, а почему ты с бомжами ходишь?.. То есть, зачем, куда?
- Да так... А что такого?.. Мы с ними пустые бутылки собираем. Работаем по отдельности, а потом я беру их...
- Бомжей?
- Угу. ...и отвожу на пункт приёма посуды. А деньги потом на троих и делим. По-честному. Я их никогда не обманываю. Хотя они и ослабли совсем... Да и тележки своей у них тоже нет. А если бы и была, – им её с места не сдвинуть... Ослабли очень...
- Бомжи ослабли? – уточнила Нина
- Ага. Так пьют ведь, – от этого и слабнут. Могут и совсем того... ослабеть.
- А ты... а тебе, Серёжа, они пить не предлагают?
- Не-а... Что вы, Нина Андреевна, им ведь и самим не хватает... Зачем им ещё один? Я у них вроде как этот... батя, что ли... Они меня слушаются... Ну, когда ещё того... соображать могут...
- Серёжа, а тебе что ж, без бутылок этих пустых не прожить, что ли?
- Почему? Могу и без них. Так ведь работа же, Нина Андреевна, бизнес! Вон в Америке, там даже дети миллионеров работают, зарабатывать, значит, учатся, ну а чем я хуже то?
- Действительно, – машинально согласилась Нина. – Ничем не хуже. И на что же, если не секрет, ты эти бутылочные деньги тратишь?
- Почему секрет? Зефир покупаю. Мне зефир очень нравится. Иногда Барсику колбасы. Ну, и так – разное, по мелочам. А что? Да вы не волнуйтесь, еда у меня есть. Хотите, суп покажу – в холодильнике? Мать вчера заходила, сварила. Вообще, вы супу хотите?
- Нет, спасибо, Серёжа, не хочу. А что это у тебя занавески вечно закрыты? День ведь уже...
- А, это я забыл просто!.. Я шас.
- Рассольников рывком открыл занавески. Прямо перед окном Серёжиной кухни росла невысокая берёзка. Нина машинально смотрела на неё и думала: «Господи! Куда же это меня занесло?!» Она на мгновение закрыла лицо руками..
- Да не убивайтесь вы так, Нина Андреевна, – сочувственно откликнулся Рассольников. – Это вы из-за того, что Валивана вас ко мне гоняет, да?
- Да нет, Серёжа, что ты!.. Я так просто...
- Я Нина Андреевна, может, и не такой уж совсем... законченный... Я, может, всё равно, как эта берёзка... Пробиваюсь через асфальт...
- Какая берёзка, какой асфальт? – отчего-то сразу не сообразила Нина

– Да эта, на которую вы смотрите сейчас, – удивился Сергей. – Она ведь на асфальте выросла. Не то, что вон те клены и, как там их ещё...

– Тополи... – подсказала Нина. Потом она ещё раз посмотрела на берёзку: – А... так эта берёзка? Ну, вижу, конечно! Так она значит, из асфальта проросла?

– Ну да. Потому и маленькая такая.

– Вырастет, – машинально сказала Нина.

– Я, Нина Андреевна, – вы не думайте, – я ведь не дурак, я понимаю, кто вы, а кто я. Понимаю разницу...

– Ну и кто же по-твоему я, а кто ты? – снова заинтересовалась Нина.

– Вы?.. Счас подумаю... Вы, как будто цветок, ну например – флокс. Вы флоксы знаете?

– Знаю.

– Ну так вот: вы, например, флокс, а я – я, например, – даже не знаю... пень какой-нибудь, или ёлка такая, старая уже сожженная в лесном пожаре...

– Я не согласна, – вдруг возразила Нина.

– Почему? – удивился Сергей.

– Да потому что никакой я не флокс, а ты не ёлка и тем более не пень.

– А кто? – наивно спросил Сергей.

– Да берёзки мы с тобой оба, Серёжа, берёзки.

– Такие что ли? – Серёжка кивнул на берёзку в окне.

– Ну, примерно... разные мы берёзки, конечно, но всё равно – берёзки.

– Гм, – удивился Сергей, – странно это как-то.

– Ничего странного, иначе я бы тебя понять не могла. Совсем. Ну как, по-твоему, может флокс понять речи пня – и наоборот? Ты сам-то подумай!...

– Вообще, да, не может, – подумав, согласился он.

– Ох, ну ладно, Серёжа. Я, пожалуй, пойду, – сказала Нина, – а то с тобой хоть весь день просиди... Только вот ещё что... Я тебя, Серёжа, об одном одолжении попросить хочу...

– Просите, – добродушно согласился Сергей.

– Начни-ка ты учиться, Серёжа, а? Вот прямо с завтрашнего дня...

– Да как же это? – расстроился Сергей. – Завтра воскресенье ведь, Нина Андреевна!

– Ну и что?.. И хорошо!.. Вот ты для начала уроки на понедельник и сделай...

– Да ведь я даже не знаю, что задано...

– Так узнай! Телефон же у тебя есть? Ну вот... Возьми трубку, узнай задание и... И прорастай себе сквозь асфальт... – она улыбнулась.

– Ну вы скажете тоже! Ох, ох! – поморщился Рассольников. – А хотя ладно, Нина Андреевна, так и быть... начну я учиться... только... я же ведь...

– С русским языком, немецким и литературой я тебе помогу. А с математикой... попрошу Ивана Ивановича, чтобы он хотя бы по пятнадцать минут с тобой после уроков задерживался... Надеюсь, он не откажется... А дальше ты сам... Вон, голова-то у тебя какая крепкая!

– Это да! – с гордостью согласился Сергей. – Крепкая! Я недавно такой гол головой отбил!..

– Да я не в этом смысле, Серёжа, – вздохнула Нина. – Пора тебе научиться сосредотачиваться. Это знаешь, какое дело большое!.. Вот ты, когда на доску смотришь, наверняка думаешь о пробках, зефире, пустых бутылках... Ну, словом, о чём попа-ло... А ты, наоборот, об уроке старайся думать. Ведь так просто всё на самом деле.

– Ага! Очень, прям, просто! – скептически покачал головою Сергей.

– Так что? Обещаешь?

– Вы, Нина Андреевна, прямо как боксер.

– Почему боксер? – не поняла Нина.

– Собака такая, боксер. У них хватка железная...

– Ну значит, как боксер, – согласилась Нина. – Отвечаю ведь я за тебя, Серёжа...

– Ладно. Тогда замётано. Обещаю, Нина Андреевна, начну я, так и быть, учиться.

Нина кивнула, взяла со стула сумку и направилась к двери. Сергей поплёлся за ней.

– Серёжа, – у порога Нина обернулась и неуверенно спросила: – А с бомжами этими ты, можешь перестать общаться?

– Гм... Могу, конечно, – почесал затылок Сергей. – Да только нехорошо это будет...

– Почему?

– Дак ведь слабые же они совсем... Помощь им нужна... Я же им, Нина Андреевна, вроде как батя... Ну, отец, что ли...

– Как кто?! – остановилась от изумления Нина.

– Как батя... Или – ну, не знаю... Ну вот, как вы для меня... – почёсывая затылок, вслух размышлял Сергей.

– А, понятно, – стараясь справиться с удивлением, кивнула Нина. – Тогда, конечно.

Идя по улице, она думала: «Здорово! Для Рассольникова я – цветок-флокс, берёзка и даже... отец; а заброшенный двоечник, семиклассник Серёжа помогает двум взрослым бомжам не умереть, и они слушаются его, потому что чувствуют в нём силу и здоровое начало... Если всё это кому-нибудь рассказать, то не поверят, наверное... Но ведь это некому, да и незачем рассказывать... Это ведь очень личное».

«Хочу быть как Гагарин!»

А через три дня Валентина Ивановна созвала новое собрание. На повестке дня снова оказался Рассольников. «Что же опять случилось?» – недоумевала Нина.

– Поздравляю! – поймав Нину у двери в класс, торжествуя сказала Валентина Ивановна. – Ваш Рассольников совсем докатился! Теперь уже тетради у детей ворует...

И директриса, не желая ничего больше объяснять, двинулась по коридору.

А после уроков началось собрание. Состав примерно тот же, что и всегда.

– Рассольников! – без обиняков начала Валентина Ивановна. – Тебя вообще-то не удивляет ли, что по тебе... о тебе... тьфу!.. что из-за твоей персоны уже третье собрание за один только месяц собирается?! Ты, может быть, решил, что нам здесь кроме тебя и заняться нечем?! А?!

Рассольников сопел и чесал затылок.

– Что молчишь-то? Язык проглотил, что ли?

– Нет, не проглотил, – сказал Рассольников. – А что я теперь сделал?

– А то ты не знаешь! Я только никак понять не могу, Рассольников... И зачем это тебе тетради чужие понадобились А? Может, ты их взял, чтобы темы переписать и выучить? Так, что ли?

Валентина Ивановна тут же обрадовалась собственной остроумной шутке, заулыбалась, окинула взглядом учителей, приглашая их оценить своё остроумие. И некоторые учителя робко улыбнулись в ответ, но Нине Ягодкиной было совсем не до улыбок: она напряжённо смотрела на Сергея, ожидая что же он скажет.

– Вообще-то, вы правы, Валентина Ивановна, – сказал Сергей. – Для этого.

– Как? – не поняла Валивана. – Для чего – «для этого»?

– Ну, вы же сами только что сказали, чтобы переписать и выучить.

– Так, – снова не поняла Валентина Ивановна. – И... зачем это тебе?

– Как? – удивился Сергей. – Как зачем? Ну, просто выучить, чтобы...

– То есть, ты хочешь сказать, что в тебе внезапно пробудился интерес к учебе? Я правильно тебя поняла?! – рассердилась Валентина Ивановна.

– Ну, да. Пробудился, – подтвердил Сергей.

– Ты что, над нами издеваешься что ли?! – побагровела директриса.

– Нет, не издеваюсь, я правда... того... решил...

– Странно... Странно очень... И с чего это с тобой вдруг такая перемена произошла? А? – подозрительно спросила она.

– А я, Валентина Ивановна, хочу, как Гагарин... Он ведь хорошо учился, ну и вот... Он теперь для меня пример...

– Какой Гагарин? – отчего-то не сразу сообразила Валентина Ивановна.

– Как это какой? – возмущённый Рассольников даже привстал со своего места. – Как какой? Который в космос летал! Первым!

– Ах, нет, нет, я не в этом смысле... Гагарин – конечно... это – да... Но ты... ты... Рассольников – и вдруг... – Она попыталась собраться с мыслями. – Ладно, а зачем тогда красть-то тетради эти? Что так попросить, что ли, нельзя было?

– Да я просил! А они отмахиваются. «Потом», да «потом», – а мне, может, сейчас надо! Да вы не волнуйтесь, я их завтра же обратно отдам. Обещаю!

Валивана так растерялась, что даже не нашла, что ответить. С обескураженным видом она уселась на место. Все молчали. Потом снова встала и, обращаясь к Сергею, спросила:

– А почему, интересно, ты классные часы прогуливаешь? Тебя что общественная жизнь, жизнь школы не интересует?

– Интересует, – соврал Сергей. – Иногда.

– Вот! Вот! – обрадовалась Валентина Ивановна. – Иногда!

Потом, повернувшись вдруг к Нине Ягодкиной, противным голосом сказала:

– А что вы, именно вы, как классный руководитель, делаете для того, чтобы привить этому...этому... Рассольникову! – интерес к делам школы?

– Я? – зачем-то переспросила Нина. – А я, Валентина Ивановна, провожу с ним... с Сергеем... индивидуальные классные часы – у него дома.

Все с трепетом ожидали реакции Валентины Ивановны. Но она неожиданно смягчилась и даже почти совсем оттаяла:

– А вот это хорошо! – сказала она. – Это мы вам в актив запишем. Правильно. С трудными учениками надо работать индивидуально! И всех остальных учителей прошу принять во внимание: нужно работать с детьми индивидуально! Это вам не дрова всё-таки, а дети!

На этой мажорной ноте довольная директриса и закрыла собрание.

«Я принимаю вас в рыцари!»

На этот раз Нина пришла к Сергею, чтобы позаниматься с ним русским языком. Сорок минут они терпеливо разбирали упражнения. Голова у Рассольникова и в самом деле работала хорошо, но лени в нём тоже хватало. Наконец, заметив, что Сергей устал, Нина предложила:

– Может, чаю попьём?

– Давайте, – согласился Сергей.

Когда попили чай, он вдруг вспомнил:

– А я ведь песню сочинил, Нина Андреевна!

– Песню? – удивилась она. – И можешь спеть?

– Да! – обрадовался он. Вытащил из-под дивана гитару и радостно, во всё горло, запел:

Я прорастаю сквозь асфальт, – тра-ля-ля-ля!

Прорастаю сквозь асфальт, – тра-ля-ля-ля!

Я, как берёзка на ветру на ветру –

Живу себе и не тужу, не тужу

Живу себе и не умру, не умру...

Ту-ру-ру-ру-ру-ру-ру-ру-ру-ру!

Живу себе и никогда не умру...

Я прорастаю сквозь асфальт, – тра-ля-ля...

Нина удивлённо смотрела на Сергея и думала: «Ну и ну... Играет на гитаре он, конечно, ужасно, слуха тоже нет, – но всё равно!.. Надо же, сам песню придумал...»

– Ну как? – закончив петь, с трепетом спросил Сергей. – Понравилось?

– Да, – сказала Нина серьёзно. – Понравилось.

И тут только спохватилась:

– Ой, Серёжа, чуть не забыла... Я же тебе несколько крышечек принесла, – для крепости твоей... Я сейчас!

Она пошла в прихожую и, вытащив из кармана плаща четыре крышечки от пивных бутылок, принесла их Сергею:

– Вот!

Сергей просиял от счастья:

– Ух ты! Ух ты! С короной одна! Где такую взяли?

– Честно говоря, пока шла к тебе, на дороге нашла. Вспомнила, что ты крепость строишь, и вот...

– Ну, классно! – Сергей сначала повертел в руках, а потом несколько раз подбросил крышечки... – А знаете что, Нина Андреевна, вы... Только вы смеяться не будете?

– Ну нет, наверное, – а что?

– Я вас в рыцари решил принять!

– В рыцари? Как это? – удивилась Нина.

– Ну просто, в рыцари. Я в рыцари только лучших – самых верных! – принимаю. Правда, их всего трое пока – рыцарей. Вы, я и ещё один.

– Ещё один? Кто же это?

– А вы смеяться не будете?

– Постараюсь, – уже не так уверенно ответила Нина.

– Ну третий, это мой кот... Барсик...

– Барсик?!

– Ну да, а что такого?

Нина закрыла губы и нос ладонями: её буквально распирал смех. Сергей заметил, обиделся:

– Ну вот, я так и знал, что смеяться будете...

– Да, я же... я не... – Нина изо всех сил старалась преодолеть душивший её смех. – Я же от радости смеюсь, Серёжа.

– От радости? – недоверчиво переспросил Сергей.

– Ну конечно: я радуюсь, что ты меня в рыцари решил принять. Это же почетно, когда тебя в рыцари принимают!

– Тогда ладно, – всё ещё недоверчиво проговорил рыцарь Рассольников, а потом встряхнул головой и уже добродушно добавил: – Ну, если от радости, тогда смейтесь...

Хотя бы одна причина

На следующий день после уроков Валентина Ивановна вызвала Нину в свой кабинет.

Нина с трепетом гадала: что же такое директриса Ивановна собирается ей сказать на этот раз.

Оказалось, разговор снова пошёл о Рассольникове.

– Я хочу вот что вас спросить, – отчего-то очень мягко начала Валентина Ивановна. Так мягко она никогда с Ниной не разговаривала. Нина насторожилась. – Вот вы Рассольникова на дому посещаете, да?

– Да, – согласилась Нина.

– Ну и что же? Как он живёт, в каких условиях? Что его мать? Дома бывает когда-нибудь? Пьёт? Я вот к чему это всё веду... Нам, может быть, с вашей помощью удастся эту... гулящую мать Рассольникова родительских прав лишить. Соберём доказательства, документы, какие следует, и... Как вы на это смотрите?

Нина немного помолчала, подумала. А потом твёрдо сказала:

– Не нужно, Валентина Ивановна, не нужно никакие документы собирать...

– Почему? – как будто не слишком удивившись, спросила Валивана.

– Потому... Потому, что я его на поруки возьму... Разрешите мне взять его на поруки, Валентина Ивановна..

Директор посмотрела в окно, поправила лежащую на столе папку с бумагами, потом снова внимательно взглянула на Нину и вдруг кивнула:

– Да, пожалуйста. Берите.

Нина не ожидала такой спокойной реакции и удивлённо смотрела на неё. А директриса продолжала:

– Однако не могу я в толк взять... Что это вы так о Рассольникове печётесь? Вот лично я... лично моё такое мнение... Это между нами конечно... Такие дети... Я хочу сказать, дети в таких неблагополучных семьях вообще не должны рождаться. Не должны! Потому что это только обуза...Обуза для всех нас... Для общества в целом... Ну скажите мне, пожалуйста, что по вашему мнению может вырасти из подростка, у которого мать вечно где-то шляется и пьёт!..

– Не пьёт сейчас, – тихо возразила Нина.

– Что? – переспросила Валентина Ивановна

– Ничего, – тихо сказала Нина,

– Ну так вот... Ребёнок, у которого мать – обыкновенная... не будем даже произносить здесь этого слова... Отца он вообще никогда не видел; родной брат за буйное поведение и хулиганство сидит в тюрьме... Ну что, по-вашему, можно ожидать от подобного подростка?! А если говорить уж совсем откровенно, сугобо между нами... то я лично не понимаю, зачем вообще таким, как Рассольников, жить на свете? Ведь незачем же? Ну, согласитесь со мной, не покрывив душой, – ведь незачем?..

– Да нет, Валентина Ивановна, простите, но я не могу с вами согласиться...

– Почему?! Ну почему же?! Назовите мне хотя бы одну причину, по которой тому же Рассольникову следовало бы остаться жить? Одну-единственную! А?! Ведь не сможете же назвать!

– Могу. Я могу назвать причину. Он крепость строит!

– Чего?! Какую ещё крепость? Зачем это? Из чего? – изумилась Валентина Ивановна.

– Ну... из разных... из разного, в общем, материала...

– Да?! И кому же это нужно?! Объясните, кому?!

– Мне, – тихо сказала Нина. – Мне это нужно. Очень.

Нина думала, что Валентина Ивановна сейчас, как обычно, выйдет из себя или начнёт во что бы то ни стало склонять её на свою сторону. Поэтому Нина внутренне напряглась и приготовилась дать решительный отпор. Но Валентина Ивановна, видимо, почувствовала Нинину готовность до конца отстаивать своё мнение. Она только устало махнула рукой и вполне беззлобно сказала:

– Я-то, честно говоря, думала, что вы немного умнее... Ну, да ладно... Как хотите... На поручки, так на поручки. Я вас больше не задерживаю. Да, и не забудьте, что завтра после пятого урока в актовом зале школьный концерт. Обеспечьте явку своего класса.

– Обязательно, – сказала Нина.

Говорящие берёзки

...С той поры прошло много-много лет.

Нина Андреевна с шестилетней внучкой Анежкой шла по набережной Фонтанки. Машин было мало. Лето. Наверное, все разъехались по дачам. Вдруг у них за спинами несколько раз коротко прогудел автомобильный сигнал.

– Бабушка, это же нам бибикают! – сказала внучка Аня.

– Вряд ли... – удивилась Нина Андреевна. Но всё-таки она обернулась и увидела зелёную машину, – из неё вылез крупный мужчина в спортивной куртке и джинсах.

– Не узнали, Нина Андреевна? – весело и громко сказал мужчина. – А я вас сразу узнал! А это кто? Внучка ваша что ли?

– Ох! – всплеснула руками старая учительница. – Да неужели это ты, Серёжа!?

– Я, – подтвердил он.

Перед Ниной Андреевной собственной персоной стоял её бывший трудный ученик Сергей Рассольников.

– Давайте подвезу. Садитесь! – распахнув дверцу предложил он.

– Да мы же тут рядом, Серёжа, просто с внучкой гуляем. Хотя... Давай, подвези, что ли...

Вместе с внучкой они сели в машину. Аня молчала, думала о чём-то своём.

– Ну как вы, Нина Андреевна? Здоровье как? И вообще... жизнь?

– Ну здоровье-то, конечно, Серёжа, по-разному... Но – день прошёл и слава Богу! Знаешь, как у поэта сказано: «Благодарю, что не умер вчера...»

– Точно, Нина Андреевна! Это вы хорошо сказали, лучше не придумаешь... – согласился Сергей.

– А ты? Ты-то как?

– Ну, мамка моя умерла давно. Вот. Болела долго. Ну я её не бросил, конечно, – кормил. Она хорошая тогда стала... перед смертью, то есть... не пила совсем – и вообще...

– А брат? Ведь он вышел из тюрьмы? Остепенился понемногу? – осторожно спросила Нина Андреевна.

– Не-а, – мотнул головой Сергей. – Вышел и опять сел. Буйный он у нас, обидчивый очень... Как что не по нему, сразу в гнев впадает – и тогда всё... С собой не владеет... Никто его удержать не может... Эх!

– Да... – грустно сказала Нина Андреевна. – Ну а ты, ты-то сам как? Работашь где-нибудь?

– Работаю, конечно, – снова оживился Сергей.

– Где же?

– А в «Букводе» книжки принимаю.

– Это хорошо – книжки... Ну а с личной жизнью как? Если не секрет, конечно.

– Ну что вы, какие же могут быть секреты у берёзки с берёзкой... – Сергей улыбнулся.

И Нина сразу же вспомнила, как однажды в разговоре они сравнили себя с двумя разными берёзками, прорастающими через асфальт. Сергей даже песню об этом написал...

– Господи! – удивилась Нина. – Неужели ты это помнишь?

– Помню, конечно.

Он засмеялся. Нина тоже засмеялась. Аня дернула бабушку за рукав и возмущённо громко прошептала:

– Бабушка, ты что?! Вы сейчас смеётесь с дяденькой, прямо как дети!

– Ну что же, Анечка, – возразила Нина Андреевна. – Взрослым тоже иногда хочется хоть на минутку побыть детьми...

– Странно, – поджав губки, сказала Аня. И снова принялась думать о своём.

По дороге Сергей остановился у магазина, попросил подождать, пока он купит домой хлеб. Вышел из магазина с сеткой мандаринов. Вручил мандарины девочке.

– Спасибо, – заулыбалась Аня. Мандарины она любила.

Серёжа довез Нину Андреевну и Аню до их двора. Попрощались. Обменялись телефонами на всякий случай.

Пока шли с Аней к парадной, девочка спросила:

– Хороший дядя, да?.. А он всегда был... хороший?

Нина удивлённо посмотрела на внучку и сказала:

– Человек не может быть всегда хорошим... но должен стараться, конечно...

Но Аня, видимо, уже забыв про свой первый вопрос, перебила её:

– Бабушка, ты почему мне сказки давно не рассказываешь?

– Разве давно? – удивилась Нина Андреевна

– Очень, – кивнула Аня.

– Ну хорошо, придём домой, поужинаем и начну сочинять сказку...

– Про что? – не отступалась Аня.

– Ну, я не знаю пока, про что...

– А сочини про берёзку, например, – предложила внучка.

– Хорошо. Тогда представь себе сад... Представила? Растут в нём разные деревья, большие, красивые. Садовник их любит, ухаживает за ними, поливает... И весело, легко им расти...

– А они говорящие?

– Кто? – не поняла Нина Андреевна.

– Деревья эти.

– А... Ну, конечно... Так вот, – однажды одно маленькое берёзовое семечко сорвалось со своей серёжки, ветер подхватил его, понёс над землёй, а потом задул прямо в крохотную трещинку в асфальте...

– Семечко берёзы? А оно говорящее?

– Гм... Конечно...

– А семечку не хотелось под асфальтом умирать, да? Ему тоже хотелось расти? И оно выросло, правда, бабушка?

– Правда.

– И стало берёзкой, да? Очень красивой и говорящей?

– Да.

– И другие деревья смотрели на неё, охали, ахали и удивлялись! – Аня даже не заметила, что теперь она сама сочиняла сказку. – Они удивлялись и думали: как же это она выросла из-под асфальта? А потом к ней прилетели птички, и они стали вместе с берёзкой петь.

– Да, именно так всё и было.

– Хорошая сказка, – сказала Аня. – Слушай, а давай мы тоже берёзку посадим – на даче. Давай?!

- Говорящую?
- Что ты бабушка, простую!
- Обязательно посадим! – согласилась Нина Андреевна.